

11. Мельникова В.В. Из истории Донского казачества (Второй Донской, Усть-Медведицкий и Хоперский округа) XVI в. – 1937 г. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2004.

12. Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы / под ред. В., Данилова, Т. Шанина. М., 1997. URL: <http://filipp-mironov.narod.ru>.

13. Октябрь на Дону и Северном Кавказе / Л.А. Этенко, М.Г. Аутлев, Н.Н. Иванько [и др.]. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977.

* * *

1. Babichev D.S. Donskoe trudovoe kazachestvo v borbe za vlast Sovetov. Rostov n/D.: Izd-vo Ros. un-ta, 1969.

2. Boldyirev Yu.F. Borba trudyaschegosya krestyanstva i kazachestva severnyih okrugov Dona za Sovetskuyu vlast. 1917–1920 gg.: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk.: 07.00.02. Rostov n/D., 1975.

3. Boldyirev Yu.F. Iz istorii borby za Sovetskuyu vlast na Hopre i Medveditse (oktyabr 1917–aprel 1918 g.) // Istoriko-kraevedcheskie zapiski. Vyip. 2. Volgograd, 1974. S. 51–63.

4. Venkov A.V. Donskoe kazachestvo v Grazhdanskoj vojne (1918–1920). Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 1992.

5. Venkov A.V. Trizhdyi okruzhennyi i razbityi nagolovu Filipp Mironov. Grazhdanskaya vojna na Donu [Elektronnyy resurs] // Donskoy vremennik. URL: <http://donvrem.dspl.ru>.

6. Golubintsev A.V. Kazachya Vandeya [Elektronnyy resurs]. URL: <http://litmir.co>.

7. Zolotov V.A. Agrarnaya politika tsarizma po otnosheniyu k kazachestvu v 1907 – 1917 gg. // Uchen. zap. Rost. gos. un-ta. Harkov: HGU, 1952. T. 21. Vyip. 3. Trudyi istoriko-filologicheskogo fakulteta.

8. Kozlov A.I. Na istoricheskom povorote. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 1969.

9. Kondaurov I.M. Donskie kazaki: literaturno-istoricheskaya hronika iz zhizni, podvigov i tragedii. Volgograd: Stanitsa-2, 2003.

10. Lenin o Done i Severnom Kavkaze / L.I. Berz, V.N. Perelygina, L.A. Etenko. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 1967.

11. Melnikova V.V. Iz istorii Donskogo kazachestva (Vtoroy Donskoy, Ust-Medveditskiy i Hoperskiy okruga) XVI – 1937 g. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2004.

12. Filipp Mironov. (Tihiy Don v 1917–1921 gg.). Dokumenty i materialy / pod red. V. Danilova, T. Shanina. M., 1997. URL: <http://filipp-mironov.narod.ru>.

13. Oktyabr na Donu i Severnom Kavkaze / L.A. Etenko, M.G. Autlev, N.N. Ivanko [i dr.]. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 1977.

Khopersky and Ust-Medveditsky regions in the peaceful period of the Civil War (February 1917 – April 1918)

The article deals with the events in the Khopersky and Ust-Medveditsky regions in the period of peaceful development of the revolution, of the period of February 1917–April 1918. The article describes the specific features of the region under consideration. The reason for its strategic importance in the Civil War is given.

Key words: *the Cossacks, neutralists, emergency organs, revolution of the 1917, opposition, Bolshevism.*

(Статья поступила в редакцию 12.10.2016)

А.О. ТЮРИН
(Астрахань)

ОХРАНА И НАДЗОР ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ В ГОДЫ МИРОВЫХ ВОЙН*

На основе архивных докладов, оперативных донесений и переписки проводится анализ охраны и надзора за военнопленными в годы мировых войн. На конкретных примерах рассматриваются борьба с побегами и предотвращение втягивания военнопленных в шпионскую деятельность.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Вторая мировая война, Астраханский край, охрана военнопленных, лагерь военнопленных, надзор за военнопленными.*

В годы Первой мировой войны военнопленные стали фактически неотъемлемой частью повседневной жизни как в городе, так и в сельской местности, к тому же с каждым годом их количество только увеличивалось. Основные страны-участницы в ходе войны значительно растратили свои экономические ре-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах Астраханского региона)».

сурсы. Особенно тяжелым положение было на заключительных этапах войны. Уровень жизни населения заметно упал, в тыловых регионах социальная ситуация усугублялась увеличением количества беженцев, разных групп перемещенных лиц и военнопленных.

В 1917 г. в России произошла революция, и фактически за год власть в стране поменялась трижды, что негативным образом отразилось на социально-экономической и политической ситуации. Однако, несмотря на революцию, начало Гражданской войны и распада государства, новые органы власти старались вести работу по организации режима надзора за военнопленными и их охраны.

Нашей исследовательской задачей был анализ организации работы по надзору за военнопленными и их охране в 1916–1918 гг., т. е. в предреволюционный год (последний год существования Российской империи), в условиях революции 1917 г. и на начальном этапе Гражданской войны в России. При этом мы провели сравнение с некоторыми аспектами охраны военнопленных и надзора за ними в период Второй мировой войны.

В 1916-м – начале 1917 г. основными направлениями в этой сфере работы государственных органов были борьба с побегами военнопленных, предотвращение втягивания их в шпионскую и подрывную деятельность, разделение пленных и контроль за ними на основе «национального вопроса».

Напомним, что охрана военнопленных солдат и офицеров и надзор за ними несколько отличались. Офицеры находились в более привилегированном положении и пользовались большей свободой, чем солдаты. В реальности инструкции по охране военнопленных не выполнялись в полной мере, что заставило астраханского губернатора Соколовского еще в 1915 г. издать следующий приказ: «Замечено мною, что на улицах города попадаются одинокие военнопленные чины без всякого присмотра, люди эти оказались рабочими. Объявляю всем лицам и учреждениям, если пленные будут пользоваться для работы без соответствующего окарауливания, то пленных будут у них отбирать» [2. Д. 998. Л. 112].

В борьбе с побегами можно условно выделить два вида работы. Первый вид – это борьба с побегами с территории г. Астрахани и Астраханской губернии, к этому виду можно также отнести и работу по предотвращению побегов. Статистика побегов за март–июль 1916 г. выглядела следующим образом: «29.03.1916 г.

из г. Астрахани совершили побег 4 человека, 05.04.1916 г. – 1 человек, 06.07.1916 г. – 4 человека, 23.07.1916 г. – 2 человека» [1. Д. 946а. Л.161].

Другой вид борьбы с побегами – это поиск и арест на территории Астраханской губернии военнопленных, бежавших из других регионов. В постановлении ротмистра Звайгзне говорилось следующее: «28.09.1916 г. рассмотрев настоящую переписку, нашел, что назвавшиеся первоначально германскими подданными Ф. Дубетом и К. Домбровским, на втором и третьем допросе сознались, что в действительности они германские военнопленные нижние чины, первый из 265-го пехотного полка Ф. Бонэ, а второй из 12-го пехотного полка Г. Пессель, бежавшие из Казани, где они находились под надзором полиции». Этим бежавших военнопленных задержали при пересечении р. Волги в Енотаевском уезде [1. Д. 357. Л. 39].

Встречались дела о побегах, когда были задействованы надзорные органы разных губерний. Так, 5 мая 1916 г. надзиратель 5-го участка в Саратове в доме Лубошникова по Полезному переулку, в котором проживали подданные государств, воюющих с Россией, обнаружил нового постояльца Х. Каршобейга. После проверки удалось установить, что он в действительности П. Гиллеркис – фельдфебель 33-го полка германской армии. В мае 1915 г. он прибыл с партией раненых пленных в Саратов и был помещен в госпиталь, а после выздоровления вместе с военнопленными Якобом и Мауэром был отправлен в лагерь для военнопленных в Астрахань. Вскоре они оттуда бежали в Самарскую губернию, а затем опять вернулись в Саратов. Еще в госпитале к этим военнопленным приходили саратовские немцы – члены немецкого комитета Шварц, Страат, Кемпе и некоторые другие. Они уговаривали их совершить побег по маршруту «Астрахань – Черное море – Турция». В Самарской губернии к этим военнопленным присоединились еще два пленных германских офицера. Впятером в ноябре 1915 г. они прибыли вновь в Астрахань к германскому подданному доктору права Баху и доктору Виленскому. Виленский сказал им, что 800 руб. на всех не хватит, и задуманный побег расстроился. Гиллеркис вернулся в Саратов, а другие остались в Астрахани [1. Д. 946а. Л. 142].

По данному донесению было проведено расследование. Из Астрахани 23.08.1916 г. начальнику Саратовского губернского жандармского управления была направлена телеграм-

ма: «Были ли в Астрахани германские военнопленные Гиллеркис, Якоб, Мауэр, а также доктор Виленский, установить не удалось. Но удалось выяснить, что военнопленный, называвший себя Гиллеркисом, в действительности Гербот, а доктор Бах – германский военнопленный доктор права Бах, привлеченный следствием в качестве обвиняемого по ст. 51 и 108 Уголовного Уложения» [1. Д. 946а. Л. 162]. Обвинялся доктор Бах в связи с побегом других военнопленных: австрийского офицера Я. Горки и германского офицера В. Клингмюллера. Они также прибыли из Саратова в Астрахань и намеревались через Румынию добраться до Австрии (в Бессарабии были арестованы), а доктор Бах оказывал им посильную помощь [9, с. 195]. В общем, можно констатировать, что в 1916 г. побеги военнопленных, с одной стороны, не были массовым явлением, с другой – они постоянно готовились и периодически совершались.

Информация о частых встречах и совместном времяпрепровождении военнопленных офицеров с подданными держав, воюющих с Россией, не оставалась без внимания надзорных органов, т. к. некоторые подданные способствовали организации побегов, как показано выше. Представители надзорных органов информацию о содержании подобных встреч получали от своих осведомителей [1. Д. 946. Л. 13, 24].

Были и другие факторы, мотивирующие пленных на побег. В одном из донесений начальнику гарнизона г. Астрахани и в штаб Казанского военного округа от 31.01.1917 г. докладывалось о любовной переписке («два письма, задержанные военной цензурой Астрахани») между пленным лейтенантом австрийской армии и «некой Петровой, саратовской мещанкой, девицей легкого поведения» [3. Д. 502. Л. 11].

Помогал передавать эти письма военнопленный германский подданный В.В. Марквард, который работал в переплетной мастерской Турчинского. Из содержания этих писем видно, что офицер через подкуп чинов военного караула переодевался в гражданскую одежду и свободно выходил в город: «... один наш караульный начальник получит от нас деньги и будет возможность вечером проводить время в городе в гражданском платье, он склонен меня без конвоя от 7 до 12 часов освободить... Я разговаривал уже с ним об этом» [Там же. Л. 11].

Еще одним мотивирующим для совершения побега фактором была деятельность ино-

странных общественных благотворительных организаций и отдельных политических представителей по оказанию материальной или медицинской помощи военнопленным. Часто представителей этих организаций подозревали в шпионской и агитационной антироссийской деятельности, а также оказании помощи при подготовке к побегу.

Астраханскому полицмейстеру и уездным исправникам 09.01.1917 г. поступила телеграмма следующего содержания: «Общество вспомоществования бедным семействам поляков, участвующему в войне и бедствующему польскому населению, пострадавшему от действий военных, возбудило разным уполномоченным лицам посещать находящихся внутри империи военнопленных в местах постоянного их выдворения и на работах... Однако в дальнейшем выяснилось, что относительно некоторых лиц, допущенных к военнопленным, имеются данные об их политической неблагонадежности... выражавшейся в попытках вести среди них (пленных) агитацию в германофильском духе» [4. Д. 884. Л. 5].

Надзорным органам приходилось предотвращать побег и втягивание военнопленных в шпионскую деятельность, а также ловить беглецов в достаточно непростой обстановке, когда подданные воюющих с Россией государств, представители благотворительных и контролирующих миссий, часто сами подданные России, в том числе из охранных структур, способствовали организации побегов.

После свержения монархии в марте 1917 г. в стране стали формироваться новые органы власти и управления. Новые власти пытались продолжить борьбу с побегам, и из Временного правительства (МВД) 28.04.1917 г. губернским областным комиссарам была отправлена телеграмма следующего содержания: «... в случае побега военнопленных с учреждений и предприятий, они должны срочно телеграфировать с указанием примет бежавших в следующие учреждения: местные управления по делам милиции, в штаб соответствующего округа, в Главное управление генерального штаба (ГУГШ) и Петроградское управление общественной милиции. За упразднением железнодорожных жандармских управлений при перемещении военнопленных конвой должен сопровождать их от места отправления до места назначения или до ближайшего воинского начальника» [Там же. Л. 13].

Для усиления контроля за военнопленными, находящимися на работах, ГУГШ в телеграмме, направленной начальнику штаба Ка-

занского военного округа 06.05.1917 г., предписывал: «Бывшим Военным Министром утверждено предложение о назначении бежавших из неприятельского плена солдат, а также инвалидов из офицеров и солдат в команды для заведывания находящимися на работах неприятельскими военнопленными. Условия: 1) Содержание и вознаграждение отнести за счет работодателей; 2) Перевозку к месту назначения за счет казны; 3) Вооружение снести на средства казны и поручить окружным штабам» [5. Д. 31. Л. 90].

Стоит отметить, что уже в годы Второй мировой войны в ходе организации работы Астраханского лагеря № 204 до декабря 1944 г. внешнюю охрану несли рабочие тех предприятий, на территории которых находились лагерные отделения. Это были в основном инвалиды, неспособные носить оружие и охранять военнопленных. Они допускали контакты пленных с населением, способствовали обмену вещей на продукты питания и т. д. [10, с. 190].

Ухудшающаяся социально-экономическая и политическая ситуация в стране способствовала увеличению количества побегов и активизации шпионской деятельности. Начальнику астраханской городской милиции и уездным комиссарам от астраханского губернского комиссара 08.07.1917 г. были направлены две телеграммы. В первой говорилось: «...штаб Казанского военного округа сообщает, что среди военнопленных германцев распространяется особенный псалтырь, составленный в условных выражениях, и в общем являющийся руководством по части шпионажа. В случае обнаружения псалтыря, отбирать его и пересылать в штаб округа» [4. Д. 884. Л. 29]. Во второй телеграмме обращалось внимание на то, что «в ГУГШ поступили сведения о том, что в багажах, отправляемых на родину и в нейтральные страны военнопленными, часто обнаруживаются вещи, не подлежащие вывозу, в частности разного рода переписка и заметки. В предупреждении этого вещи пленных подвергать самому тщательному осмотру» [Там же. Л. 23].

Через месяц пришла из ГУГШа телеграмма, в которой предписывалось: «... кроме того, посылки, в коих окажутся запаянными жестяные банки (с консервами или иными предметами), могут быть выдаваемы военнопленным лишь при условии вскрытия этих жестянок... для убеждения, что в сих жестянках не заключается предметов, недозволённых к выдаче военнопленным» [5. Д. 31. Л. 437].

Несмотря на кризисную ситуацию в стране, надзорные органы пытались сохранить контроль над военнопленными. Были установлены маршруты и способы побега. В телеграмме от начальника контрразведывательного отделения при штабе Казанского военного округа, направленной астраханскому губернскому комиссару от 31.07.1917 г., говорилось следующее: «По имеющимся в отделении данным установлено, что одним из способов, которыми пользуются для побега военнопленные турки, а возможно и австро-германцы, является поступление их в качестве служащих на персидские шхуны, рейдирующие между Астраханью, Энзели и другими портами Персии. Эти шхуны при выходе в море в последнее время никакому досмотру не подвергаются, как и проверке паспортов личного состава экипажа. Прошу о скорейшем издании распоряжения по обязательной проверке паспортов личного состава экипажа» [Там же. Л. 274].

С недоверием и подозрением надзорные органы продолжали относиться к разным проверяющим и благотворительным организациям из иностранных государств. Особенно после информации, указанной в телеграмме из ГУГШ в штаб Казанского военного округа от 15.07.1917 г.: «Имеются сведения о том, что побегу пленных способствует штатское платье, выдаваемое им представителями нейтральных стран... Его надо клеймить тотчас же» [Там же. Л. 374].

Надзорные органы при помощи периодически проводившейся перерегистрации удостоверений и разрешений на посещение военнопленных пытались контролировать ситуацию. Астраханскому губернскому комиссару из штаба Казанского военного округа 14.05.1917 г. пришла телеграмма следующего содержания: «ГУГШ просит сделать распоряжение о не допуске никаких частных лиц, не исключая и дипломатических представителей нейтральных стран в места выдворения военнопленных без удостоверения ГУГШ» [3. Д. 884. Л. 16].

Увеличивалось количество побегов. По данным астраханской городской милиции, за июль–август 1917 г. из г. Астрахани бежало 272 человека. В основном пленные бежали с городской электростанции, из Анонимного общества «Астраханские рельсовые пути», Акционерного общества «Астраханский холодильник» и с некоторых других предприятий [5. Д. 31. Л. 391].

В этих условиях по мере возможности надзорные органы продолжали бороться с побе-

гами. В рапорте начальника астраханской городской милиции, поступившем на имя астраханского губернского комиссара 24.08.1917 г., говорилось: «Получив сведения о готовящемся побеге военнопленных Нанаши и двух других мне неизвестных, я 23.08.1917 г. в сопровождении агента контрразведки выехал для обозрения военнопленных, находящихся на Заячьем острове торгово-промышленного пароходства общества “Волга”» [5. Д. 31. Л. 417].

Далее в рапорте описываются условия работы и проживания военнопленных, в том числе и фигурантов дела: «...Пленные получают на берегу 1 рубль 50 копеек на харчи и 50 копеек на руки. Контрощиком материального склада служит Нанаши Двердж, он же получает почту. По данным он прапорщик и должен находиться в лагере пленных офицеров, а он живет в отдельной квартире. Заведует хозяйством пленных Мандок Иоган, он получает под отчет 2000 рублей и больше. По информации Мандок и Нанаши собираются бежать, запаслись персидскими паспортами и получили аванс для ведения хозяйства... Общее мое заключение, что охраны пленных нет, как на судах, так и на берегу. Прошу распоряжение на счет Нанаши и Мандока» [Там же].

Повышенный интерес к этим военнопленным был вызван со стороны контрразведки. Старший наблюдатель контрразведки при штабе Казанского военного округа подозревал Нанаши и Мандока в том, что они могут покушаться на целостность нефтяных запасов и нефтяных караванов и предлагал их перевести на берег в более удаленные губернии, о чем отдельно докладывал в рапорте астраханскому губернскому комиссару [Там же. Л. 459].

В этом же документе упоминались еще два подозрительных военнопленных: а) Сэчи, который «пользовался достаточной свободой передвижения, поддерживал тесные знакомства с военнообязанными, а во время событий 18–19.06.1917 г. в г. Астрахани агитировал в толпе, побуждая ее к беспорядкам»; б) Кийштейн, «живет в доме товарищества “Нобель”, и ежедневно, без сопровождения, ездит в город за какими-то таинственными покупками». В дальнейшем Сэчи был арестован и отправлен в Саратов [Там же. Л. 431; 9, с. 203].

В рапорте старшего наблюдателя от 01.09.1917 г. по делу Нанаши и Мандока говорилось следующее: «... было дано поручение произвести обыски и аресты военнопленных на доке товарищества “Нобель” – Кийштейна, и на пристани общества “Волга” – Мандо-

ка и Нанаши. Около двух часов дня прибыли на пристань общества “Волга”, со мной был агент из уголовного отделения и милиционер из уездной милиции. Нанаши был в городе до восьми часов вечера. Обыск был произведен у Мандока. Были обнаружены книги и переписка на русском, немецком и мадьярском языках. У Мандока отобрано часть переписки и несколько экземпляров вновь изготовленных беженских книжек. Он объяснил, что эти беженские книжки Нанаши, и он их продает». Все были арестованы [Там же. Д. 31. Л. 457–458].

Для уточнения количества военнопленных в стране надзорные органы решили провести их перепись. 27.09.1917 г. астраханский губернский комиссар опубликовал объявление: «Согласно телеграмме из штаба Казанского военного округа назначается перепись военнопленных, находящихся в Астраханской губернии и г. Астрахани на работах у разных лиц и в учреждениях с 10 по 20 октября... причем принятие на точный учет весьма важно для самих военнопленных как для более скорого получения корреспонденции, так и для своевременного производства их эвакуации на родину по окончании войны» [Там же. Д. 32. Л. 6].

Уже 14.10.1917 г. из канцелярии астраханского губернского комиссара красноярскому, черныорскому, царевскому, енотаевскому и астраханскому уездным комиссарам были отправлены новые телеграммы следующего содержания: «Канцелярия комиссара пересылает Вам почтой 300 бланков, карточек для регистрации военнопленных и 8 экземпляров инструкций для раздачи лицам и учреждениям, у которых состоят на работах военнопленные» [Там же. Л. 47].

Стоит отметить, что многие предприятия сами обращались к Астраханскому губернскому комиссару с просьбой предоставить необходимое количество бланков для переписи. В телеграмме с предприятия «Солепромышленники наследники П.Т. Типкова» от 12.10.1917 г. говорилось: «... настоящим имеем честь покорнейше просить Вас выслать нам для переписи имеющихся у нас на работах военнопленных шесть бланков». С аналогичной просьбой обратилась Астраханская городская управа 18.10.1917 г.: «Астраханская городская управа просит выдать для переписи военнопленных, работающих на постройке канализации г. Астрахани, 300 штук бланков». Астраханская городская соединенная больница просила 50 бланков, а Астраханский городской продовольственный комитет – 43 штуки [Там же. Л. 50, 60–61, 78].

В ноябре 1917 г. бланки переписи военнопленных были обработаны и разделены на купоны. Купоны «А» и «Б» отправили в ГУГШ, в г. Петроград, купон «В» – в штаб Казанского военного округа, а купоны «Г» – астраханскому уездному воинскому начальнику, о чем и говорилось в телеграмме: «При сем препровождаю купоны “Г” регистрационных карточек военнопленных нижних чинов, находящихся на работах в г. Астрахани и части Астраханского уезда в количестве 1147 штук и оставшиеся не заполненными регистрационные карточки» [5. Д. 32. Л. 131–132, 134].

Несмотря на принимаемые меры, летом–осенью 1917 г. ситуацию в деле надзора за военнопленными коренным образом изменить не удалось. В сентябре 1917 г. заведующий военнопленными офицерами сообщал в своем рапорте начальнику гарнизона г. Астрахани о том, что гарнизонная служба у лагерей военнопленных «несется преступно». В октябре 1917 г. неоднократно задерживали военнопленного австрийской армии А. Венгера за то, что в одной из городских квартир он переодевался и без формы, в «вольной» (гражданской одежде), гулял ночами по Астрахани [10, с. 188].

Углубляющийся политический кризис вносил все большую дезорганизацию в деятельность самих надзорных органов, что, в свою очередь, отражалось на эффективности их работы. Начальник 6-го участка Астраханской городской милиции написал донесение 18.11.1917 г. начальнику астраханской городской милиции следующего содержания: «Представляю при сем протокол о задержании военнопленного Э. Иверзепе по распоряжению агента контрразведки за военнопленными Кочеткова, который до настоящего времени не сообщил мне, как поступить с задержанным. Причем по справке по телефону в канцелярии губернского комиссара был получен ответ, что удостоверение на имя Кочеткова выдаваемо не было. Донося вышеизложенное, прошу дать ответ, как поступить с задержанным военнопленным, который содержится в арестантском помещении участка» [4. Д. 884. Л. 53].

В общем, можно констатировать, что надзор за военнопленными был не особенно строгим, многие из них свободно передвигались по городу, количество побегов значительно увеличилось, а надзорные органы неэффективно выполняли свои функции, многие инструкции на практике не исполнялись.

Для усиления контроля, а также учитывая возможность поиска потенциальных будущих

союзников, надзорные органы старались делить военнопленных по национальному признаку. Славяне, дружественно настроенные к России, получали определенные привилегии: свободный доступ в город, для кратковременных бесед к ним допускались соотечественники, им разрешалось пение, чтение и т. д. Уже в циркуляре от 03.04.1915 г., направленном астраханскому полицмейстеру от губернатора, говорилось: «Пленным офицерам австро-венгерской армии, находящимся на жительстве в г. Астрахани, Черном Яру, Еногаевске и Цареве, не разрешаю посещение клубов, общественных мест, собраний, театров и других общественных сборищ» [3. Д. 415. Л. 112].

В 1917 г. активизировалась работа по формированию добровольческих корпусов из военнопленных разных национальностей как воюющих с Россией держав, так и из перешедших на сторону Антанты. В телеграмме, направленной в земские управы губернии 29.07.1917 г., говорилось: «Состоявшегося соглашения с нашими союзниками сейчас производится набор добровольцев военнопленных чехословаков, поляков и эльзасцев для различных формирований. Вследствие сего прошу всех освобождающихся от работ военнопленных направлять в первую очередь на смену означенным выше пленным, снимаемым с предприятий» [5. Д. 31. Л. 277]. Стоит отметить, что в годы Второй мировой войны старались придерживаться принципа размещения военнопленных по национальному признаку [10, с. 191].

Политические события конца осени 1917-го – весны 1918 г. характеризовались открытым вооруженным противостоянием, а во многих регионах, как и в столице, произошла очередная смена власти. Новая власть 3 марта 1918 г. заключила Брестский мир, и Советская Россия вышла из Первой мировой войны. Несмотря на этот мирный договор, сразу решить вопрос обмена или интернирования военнопленных не получалось, требовалось подписание определенных дополнительных соглашений, организации самого процесса транспортировки пленных и т. д. В регионах формировались новые органы власти и управления, в задачу которых входило решать вопросы взаимодействия надзора за военнопленными и их охраны.

На заседании Совета Народных Комиссаров (СНК) Астраханского края 18.04.1918 г. слушался вопрос «О содержании военнопленных в количестве около 7000 человек, переданных исполкомом Комиссариату по внутренним делам». Члены Совета постановили:

«Открыть кредит Комиссариату по внутренним делам в 20000 рублей на содержание военнопленных, переданных комиссариату» [6. Д. 87. Л. 10].

Таким образом, новым ответственным за военнопленных стал комиссариат по внутренним делам Астраханского края. В связи с этим 24.04.1918 г. комиссар по внутренним делам А.Х. Хумарьянц издал приказ: «Назначить заведующим лагерем военнопленных Аркадьева с окладом в 350 рублей в месяц, а помощником его Лепилина с окладом в 250 рублей в месяц» [Там же. Л. 9].

Параллельно с приемом дел по военнопленным в комиссариате по внутренним делам была образована Краевая коллегия о пленных и беженцах, на заседаниях которой теперь решались все основные вопросы. Новая власть решила провести еще один учет военнопленных. 22.06.1918 г. пришел приказ Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбежа), в котором были следующие пункты:

«1) Провести в кратчайший срок самый точный учет пленных как в лагерях, так и в местах работ в каждом уезде;

2) Все зарегистрированные пленные должны быть закреплены на местах лагерного квартирования или работах...;

3) Окарауливание военнопленных необходимо привести в порядок, ни в коем случае не допускать сторожей и комендантов из военнопленных, а за повторные побегі заведующие охраной лица предаются военно-революционному трибуналу, как попустители побегов» [8. Д. 4. Л. 43]. Стоит отметить, что в годы Второй мировой войны, в соответствии с приказом НКВД от 27.06.1945 г. №0172, в лагерных отделениях формировались вспомогательные команды из военнопленных, которые оказывали помощь в охране и конвоировании [10, с. 191].

На основании приказа Центропленбежа глава Астраханской краевой коллегии о пленных и беженцах издал 10.07.1918 г. другой приказ следующего содержания: «Настоящим предписываю всем военнопленным, находящимся в пределах г. Астрахани и Астраханского уезда, зарегистрироваться до 25 июля сего года:

1) Живущим в г. Астрахани и окрестностях в канцелярии коменданта (лагеря на Болде и за вокзалом, от 9 утра до 2 часов дня);

2) Живущим в Астраханском уезде, в волостных советах;

3) Всем учреждениям, предприятиям и лицам, имеющим у себя на работах военноплен-

ных, сообщить об этом в коллегію» [7. Д. 4. Л. 14].

К сожалению, нет точных данных об итогах этой перерегистрации, сохранились отрывочные сведения по военнопленным, присланные на 16.07.1918 г.: в пос. Покрово-Болдинский и Свободный – 12 человек, в с. Началово – 20, в с. Старый Тузуклей – 4, в Новом Тузуклее – 2, место свалки нечистот – 39 человек [8. Д. 4. Л. 1–3].

Учет военнопленных был нужен, в первую очередь, для процесса их обмена. В приказе Центропленбежа №68 от 19.07.1918 г. говорилось: «Ввиду заключенного с Германией нового соглашения, все германские военнопленные буде они здоровые или инвалиды, должны обмениваться голова за голову здоровых русских военнопленных, причем сверх того Германия должна с возможной быстротой освобождать наших инвалидов» [6. Д. 19. Л. 48].

В телеграмме председателя Центропленбежа И.С. Уншлихта, присланной в Астраханскую краевую коллегію, говорилось: «Всем местным Коллегіям пленбежа! Германских военнопленных, следующих на родину одиночным порядком, пропускать, не отказывать» [7. Д. 4. Л. 278].

Несмотря на то, что активно начался процесс обмена военнопленными, параллельно продолжалась работа по надзору за ними. На заседании Астраханской краевой коллегии, которое проводилось 31.07.1918 г., рассматривался «Проект окарауливания лагерей военнопленных в Астраханском крае». Коллегія постановила: «Принять с некоторыми изменениями» [6. Д. 19. Л. 15]. Проект разработал ее член Д.И. Кашкаров. Он предусматривал ведение караульной службы в лагерях для солдат, офицеров и в лечебных заведениях (госпиталях). Основная часть «Правил...» была посвящена ведению караульной службы в солдатских лагерях:

«1) Представитель военного комиссариата совместно с комендантом, а в уездах с заведующими лагерей, вырабатывают план распределения постов вокруг лагеря военнопленных;

2) Ежедневно военный комиссар высылает военный караул для охраны обоих лагерей;

3) Караул несет только окарауливание лагеря (наружная охрана) и без требования о том коменданта во внутрь не входит;

4) О замеченных подкопах и возмущениях караульный начальник сообщает заведующему лагерем;

5) Караул не выпускает из лагеря никого без удостоверения коменданта лагеря..., так же как никого не допускает в лагерь;

6) В случае беспорядков караул обязан по вызову коменданта принять участие в его подавлении;

7) За побег, отпущенных по записке коменданта, отвечает он, а за побег из лагеря отвечает караул».

В отношении офицеров в «Правилах...» сказано немного по сравнению с пленными солдатами:

«1) Все австрийские офицеры, давшие подписку на честное слово в том, что они не уйдут, помещаются в особом помещении и не охраняются;

2) Офицерам, не дающим честное слово, во время прогулки назначается караул;

3) Представители военного комиссара совместно с комендантом составляют правила окарауливания пленными офицерами. Эти правила утверждаются Краевой коллегией». В госпиталях правила караульной службы должны были разработать военный комиссар совместно с сотрудниками лечебного учреждения» [б. Д. 19. Л. 51–52].

Ухудшающаяся социально-экономическая обстановка в стране на фоне развернувшейся Гражданской войны коснулась и военнопленных. На заседаниях Астраханской коллегии пленбежа постоянно рассматривались вопросы, касающиеся финансирования лагеря или госпиталя военнопленных. Так, на заседании президиума 02.08.1918 г. слушался рапорт коменданта лагеря военнопленных Медведева об уплате военнопленному офицеру Руц 164 руб. 40 коп. за купленный им для военнопленных офицеров хлеб. Президиум постановил: «Уплатить Руц 164 руб. 40 коп.». На этом же заседании постановили отпустить аванс в 25 тыс. руб. на довольствие пленных и служащих госпиталя военнопленных [Там же. Л. 18].

Стоит отметить, что на заседании, состоявшемся 31.07.1918 г., при утверждении сметы госпиталя военнопленных изменили ст. 2, а «именно содержание больных считать не по 6, а по 5 рублей на одного человека в сутки и служащих не по 5 рублей, а по 4 рубля 50 копеек» [Там же. Л. 12].

В августе 1918 г. Жилищный совет представил для военнопленных бараки «на Болде», ранее занимаемые солдатами 156-го пехотного полка. Из 35 бараков семь отвели для военнопленных. В остальных бараках предпо-

лагали разместить «венгерскую роту» интернационального полка, беженцев и «железный отряд», прибывших из Баку, 3-й Астраханский железнодорожный полк и некоторых других. Можно констатировать, что в одном лагере жили красноармейцы, беженцы и иностранные военнопленные [10, с. 189].

На 05.09.1918 г. Губернский распорядительный комитет представил следующую информацию о кредитах, которые планировалось потратить на размещение войск и военнопленных: 1) на наем помещений для войсковых частей – 50745 руб., 2) на содержание казенных воинских барачных корпусов и расходы на топливо и хлебопечение – 41242 руб., 3) на постройку воинских барачных корпусов – 12528 руб., 4) на содержание военнопленных – 193 руб. 89 коп. [б. Д. 1. Л.31]. В целом материальное снабжение военнопленных осенью 1918 г. ухудшилось.

В ноябре 1918 г. Брестский мирный договор был аннулирован Советским правительством, а вместе с ним разные соглашения по обмену и возврату военнопленных. В фактически распавшемся государстве усиливалась Гражданская война, и для Астраханской коллегии пленбежа на первое место выходила проблема очередного наплыва в регион беженцев, как их называли – «жертв контрреволюции».

В одном из отчетов констатировалось: «В январе–феврале 1919 г. большинство станций РУЖД (Рязано-Уральская железная дорога. – А.Т.) было заполнено беженцами, также их было много в городе, плюс ко всему свирепствовал тиф. Несчастные беженцы и красноармейцы за неимением места для ночлега валялись на улицах. В городе было открыто 11 общежитий, а также использовались промыслы на Болде» [Там же. Д. 19. Л. 212]. Поэтому основная работа Астраханской коллегии пленбежа была сосредоточена на беженцах.

1919-й стал годом активных боевых действий на территории Астраханского края, и основной проблемой Советской власти было удержать эту власть в своих руках. В этот период некоторые военнопленные пополнили ряды сформированного в Астрахани 1-го Астраханского интернационального полка, другие покидали Астраханский край в частном порядке, иногда с новой семьей [9, с. 207]. В 1920–1921 гг. были подписаны соглашения о военнопленных, которые способствовали возвращению их на родину. Военнопленные, которые не смогли вернуться в свои государства в 1917–1919 гг., часто возвращались в статусе репатриантов.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 286. Оп.1.
2. ГААО. Ф. 289. Оп. 1.
3. ГААО. Ф. 290. Оп. 2.
4. ГААО. Ф. 290. Оп. 3.
5. ГААО. Ф. 1094. Оп. 1.
6. ГААО. Ф. Р. 1632. Оп. 1.
7. ГААО. Ф. Р. 3013. Оп. 1.
8. ГААО. Ф. Р. 3178. Оп. 1.
9. Тимофеева Е.Г., Байгушкин А.И., Лебедев С.В., Олейников А.В., Федина К.С. Астрахань в событиях Великой войны: 1914–1918 годы. Астрахань: Изд. дом «Астрахань», 2014.
10. Федин С.А. Тимофеева Е.Г. Содержание и охрана военнопленных: опыт мировых войн (на материалах Астраханского региона) // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. № 6. С. 186–192.

* * *

1. Gosudarstvennyiy arhiv Astrahanskoj oblasti (ГААО). F. 286. Op.1.
2. ГААО. F. 289. Op. 1.
3. ГААО. F. 290. Op. 2.
4. ГААО. F. 290. Op. 3.
5. ГААО. F. 1094. Op. 1.
6. ГААО. F. R. 1632. Op. 1.
7. ГААО. F. R. 3013. Op. 1.
8. ГААО. F. R. 3178. Op. 1.
9. Timofeeva E.G., Baygushkin A.I., Lebedev S.V., Oleynikov A.V., Fedina K.S. Astrahan v sobyitiyah Velikoy voyni: 1914–1918 godyi. Astrahan: Izd. dom «Astrahan», 2014.
10. Fedin S.A. Timofeeva E.G. Soderzhanie i ohrana voennoplennyih: opyt mirovyih voyn (na materialah Astrahanskogo regiona) // Izvestiya Volgogr. gos. ped. un-ta. 2015. № 6. S. 186–192.

Security and supervision of war prisoners in the Astrakhan region in the world war years

Based on the reports, quick informing and correspondence kept in archives, the security and supervision of war prisoners in the world war years are analyzed. The article deals with particular examples of struggle against escapes and preventing war prisoners from spying.

Key words: *First World War, Second World War, Astrakhan region, war prisoner security, camp for war prisoners, war prisoner supervision.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Е.Г. ТИМОФЕЕВА, С.В. ЛЕБЕДЕВ
(Астрахань)

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ ВОЕННОПЛЕННЫМ МИРОВЫХ ВОЙН В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ*

Описаны проблемы организации медицинской помощи военнопленным в Астраханском регионе в годы мировых войн как важной составляющей военного плена. Авторы анализируют региональную специфику медико-санитарного обслуживания пленных, действия медицинских служб по организации и осуществлению медицинской помощи военнопленным.

Ключевые слова: *лазарет, медперсонал, диетическое питание, оздоровительная команда, военнопленный, лагерное отделение, эпидемия.*

Мировые войны в XX в. привели к огромным прямым и санитарным потерям, к потерям в виде военнопленных. Миллионы солдат оказались в плену и содержались в очень тяжелых условиях. Российские власти прилагали значительные усилия для охраны здоровья военнопленных.

В годы Первой мировой войны Астраханская губерния, территориально входившая в Казанский военный округ, находилась на значительном расстоянии от театра военных действий. Согласно решению правительства, сюда направлялись большие потоки беженцев, военнопленных и военнообязанных враждебных государств.

По сообщениям астраханских газет, спустя месяц после начала войны в Астрахань прибыла первая партия пленных в количестве 411 человек. Зимой 1915 г. число военнопленных, присланных в Астраханскую губернию, перевалило за 2 тыс. человек. Количество пленных иностранцев, размещенных на территории края, постоянно менялось по причине отправки в другие губернии. В начале января 1916 г. в Астраханской губернии находилось 3950 военнопленных, из них 270 офицеров, в конце

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах Астраханского края)».